

Если говорить о деревне Цинтянь, то семья Цзян безусловно была домом номер один. Пусть люди из семьи Чжоу и разгуливали по деревне с задранными носами, но по сравнению с Цзянями они и рядом не стояли, хоть верхом на лошади гонись, всё равно не догонишь.

Причина была проста: семья Чжоу разбогатела, разводя свиней и выжимая последнее из арендаторов, - типичные выскочки, тогда как семья Цзянь была единственным в Цинтяне подлинным родом ученых, знатным домом с красными воротами.

Старый господин семьи Цзян был учёным человеком и в своё время тоже успел побарахтаться на чиновничьей стезе. Говорили, что старый господин Цзян был близким другом прежнего премьер-министра, они вместе пили вино и обменивались стихами - люди это были с именем и положением.

Однако времена выдались недобрые: в те годы евнухи захватили власть, десяток придворных кастратов вершил политику, а сам император превратился в марионетку в руках фаворитов. Старый господин Цзян, не желая пачкаться и идти в ногу с партией евнухов, просто подал в отставку, снял чиновничью шапку и увёз всю семью обратно на родину, вернувшись в этот чистый, живописный уголок, словно оторванный от мира рай, - деревню Цинтянь.

После возвращения и ухода в уединение старый господин Цзян установил строгие семейные правила: всем потомкам рода Цзян, будь то мужчины или женщины, запрещалось поступать на государственную службу. По этой причине нынешний глава семьи Цзян, пусть и был набит по горло классическими книгами и учёными трактатами, так и не пошёл в чиновники, а лишь занимался торговыми делами в сельской глуши.

Семья Цзян была богата, принадлежала к книжному сословию и во всём резко отличалась от простой деревенской жизни Цинтяня. Обычно они держались крайне сдержанно и тихо, не устраивали шумных выходок, как семья Чжоу, и потому не становились частой темой для деревенских пересудов. Разве что...

Единственный внук старого господина семьи Цзян и единственный сын нынешнего главы рода - Цзян Чансинь. Этот человек был тем самым персонажем, о котором деревенские жители не уставали говорить, смакуя подробности снова и снова.

Причина была проста: молодой господин из семьи Цзян был умственно неполноценным, попросту дурачком.

Глава семьи Цзян был человеком образованным и дал сыну имя звучное, изящное и благородное. Цзян Чансиню уже шёл второй десяток лет: он был высок ростом, широкоплеч и строен, издали настоящий красивый и статный юноша, достойный зависти. Но с детства он перенёс болезнь, повредившую разум, и, дожив до такого возраста, по-прежнему выглядел совершенно несмышлёным, будто не понимал окружающего мира.

Именно по этой причине, несмотря на столь высокий статус семьи Цзян в Цинтяне, их единственный сын до сих пор не был женат.

Улыбка Е Чжу была насмешливой, но, памятуя о внезапно изменившемся Е Нине, он не осмелился проявлять язвительность слишком откровенно и, с выражением «то ли смеётся, то ли нет», произнёс:

— Не мне, конечно, судить, но хоть молодой господин семьи Цзян и дурачок, старый господин у них всё-таки бывший чиновник, а нынешний глава - человек дальновидный. Даже если ты положишь глаз на молодого господина рода Цзян, ещё неизвестно, понравиться ли ты им.

Е Нин слегка нахмурился и спокойно ответил:

— Это уже не твоё дело.

Е Нин был железным натуралом. С огромным трудом вырвавшись из мира апокалипсиса и попав в эту зелёную, спокойную деревушку, он совершенно не желал ни влюбляться, ни заводить какие-либо романтические отношения, и уж тем более думать о замужестве. Куда лучше было бы заняться землёй и готовить вкусную еду. В прошлой жизни, в условиях крайней нехватки ресурсов, его отличные кулинарные навыки не находили применения, но здесь всё было иначе.

Мать Е в тревоге закружилась по двору:

— Старик, а может, всё-таки ты сходишь к семье Чжоу, поклонись, попросишь прощения, попробуешь всё уладить? Семья Чжоу ведь не брезгует Нин-гером - такую помолвку с фонарями искать надо, и то не сыщешь!

Отец Е дорожил репутацией; он мрачно молчал, одновременно боясь и опозориться, и упустить брак. В конце концов из него с трудом выдавилось:

— Сегодня Чжоу-далан ещё не остыл, пойдём к ним завтра.

На следующее утро, едва рассвело, отец Е собрался было выйти из дома и отправиться к семье Чжоу с примирительными речами. Он толкнул деревянную дверь, всю в заусенцах, и как раз в этот момент увидел Чжоу-далана, стоявшего у ворот их двора.

Отец Е ещё не успел натянуть на лицо заискивающую улыбку, как в него полетел резкий, визгливый голос:

— Ай-яй-яй, да вы только посмотрите! Семейка Е наконец-то вышла!

Это была та самая сваха, что приходила свататься накануне. Лицо у неё теперь было ядовитозлое, совсем не похожее на вчерашнее; она холодно усмехалась:

— Ну и семейка эта Е, скажу я вам! Тридцать лет сводила браки, ни разу не было такого, чтобы не сладилось, и ни разу не встречала гера с такими высокими замашками! Нин-гер - это, конечно, нечто особенное: даже на семью Чжоу нос воротит! Чжоу-далан самолично принёс целых пять му земли, а Нин-гер и глазом не повёл, ещё и носом крутить вздумал!

Сваха была в деревне фигурой весомой: без неё почти ни одна свадьба не обходилась, именно она обычно и сводила семьи. Браки семьи Чжоу тем более проходили через её руки. А вчерашний скандал - свадьба сорвалась - разве это не было пощёчиной её репутации?

Сваха была неграмотной и не различала, где договор о продаже человека, а где договор о продаже земли. Она знала лишь одно: нельзя дать рухнуть собственному имени. Потому-то с самого утра и явилась к воротам семьи Е, раздувая слухи и поливая грязью.

Чжоу-далан тянул сваху за рукав, будто бы пытаясь её унять, с видом крайнего затруднения, но на деле лишь разыгрывал жалкую сцену:

— Да не говорите вы так... Видно, Нин-гер просто мной побрезговал, что ж тут поделаешь...

В деревне не было недостатка в любителях зрелищ. Люди постепенно стягивались, тыкали пальцами в сторону двора семьи Е и перешёптывались:

— Это что, вчерашняя помолвка так и не состоялась?

— Нин-гер смотрит свысока на Чжоу-далана? Да если бы это было раньше, с его-то небесной внешностью, он хоть в уезд мог бы выйти замуж, стать фуланом у знатного человека, и то было бы в порядке вещей. Да только... теперь-то он тело испортил, а всё ещё перебирает?

— Говорят, семья Чжоу собиралась отдать Нин-геру пять му земли, а он и это не оценил? Пять му, между прочим!

Чжоу-далан изображал из себя обиженную молодую женушку, войдя во вкус притворной жалости:

— Это я самонадеянно полез, рассердил Нин-гера, тут уж некого винить, кроме меня самого.

Сваха распалась всё сильнее, будто атмосфера требовала от неё непременно добавить ещё масла в огонь; она надрывала голос:

— Ай-яй-яй! Да я впервые такое вижу, чтобы земельная грамота прямо перед глазами лежала, а Нин-гер на неё даже не взглянул! Чистюля, будто бессмертный с небес спустился!

Скрип...

Плотно закрытая дверь распахнулась, и Е Нин вышел наружу. На нём была простая, неброская одежда; он двигался неторопливо и спокойно. Хотя одет он был почти так же, как все вокруг, именно на нём этот наряд выглядел иначе - простота превращалась в отрешённую, неземную холодность, будто он вовсе не принадлежал к мирской суете.

Увидев Е Нина, отец Е вспыхнул от ярости:

— У тебя ещё хватает наглости выходить?! Убирайся обратно! Мало нам позора?!

Но Е Нин сохранял полное хладнокровие и сказал:

— Отец, не спеши гневаться. Как раз кстати, что все соседи здесь. Раз уж семья Чжоу довела слова до такого уровня, а дело до такого тупика, если отец проглотит обиду и сделает вид, будто ничего не было, разве это не значит потерять лицо ни за что, дать людям повод тыкать пальцем за спиной?

Е Нин хоть и пробыл здесь совсем недолго, но уже точно нащупал и понял характер отца Е. Больше всего тот боялся утратить достоинство; внешнюю сторону он ставил выше самой сути, был типичным человеком, который готов распухнуть от притворной важности, лишь бы сохранить видимость.

И в самом деле, после этих слов отец Е больше ничего не сказал, лишь с бесконечным стыдом опустил голову и раз за разом тяжело вздыхал.

Е Нин перевёл взгляд на сваху и Чжоу-далана и спокойно спросил:

— Я хотел бы спросить Чжоу-далана: то, что ты принёс вчера, было земельной грамотой или всё-таки договором продажи человека?

Чжоу-далан закрутил глазами, вытянул шею, выпятил живот:

— Конечно... конечно, земельная грамота. Какая ещё продажа человека?

Однако на этом слове он запнулся.

Е Нин едва заметно улыбнулся, вынул из рукава лист бумаги и лёгким движением встряхнул его, показывая всем собравшимся. Хорошо, что накануне он проявил осторожность и в суматохе убрал договор в рукав, иначе сегодня семье Чжоу достаточно было бы встать в глухой отказ, и эту немую обиду пришлось бы проглотить, хочешь ты того или нет.

— Это... — Чжоу-далан и подумать не мог, что Е Нин сохранил эту бумагу; он рванулся, пытаясь выхватить её, но Е Нин был готов и отступил на шаг.

Пусть с виду Е Нин был тонким и хрупким, словно молодая ива у въезда в деревню, с талией, которую можно обхватить одной ладонью, и бёдрами, что казались тоньше половины руки Чжоу-далана, но он был человеком, прошедшим через апокалипсис: ловкости и скрытой силы ему было не занимать.

Е Нин повернулся к свахе и сказал:

— Посмотри повнимательнее. Та «земельная грамота», что Чжоу-далан принёс вчера, - это она?

Сваха была неграмотной, да и, по всей видимости, Чжоу-далан заранее её не предупредил. Она лишь бросила взгляд и уверенно выкрикнула:

— Да! Она самая! Точно она! Я узнаю! Подходите, люди добрые, смотрите! Чжоу-далан ведь и правда принёс земельную грамоту, а Нин-гер всё равно нос воротит!

Е Нин снова улыбнулся:

— Раз ты так сказала, мне и вовсе спокойно.

Чжоу-далан яростно вытирал холодный пот. В такую знойную пору у него выступил липкий, ледяной пот, струйками стекая по щекам; спина под одеждой уже промокла насквозь.

Е Нин продолжил:

— Эта бумага вовсе не является земельной грамотой. Это - договор о продаже человека!

— Как это продажа человека? — зашептались деревенские, на мгновение не понимая, что происходит.

Е Нин убрал с лица всякую улыбку:

— Здесь чёрным по белому написано: семья Е безо всякой причины задолжала семье Чжоу триста гуаней, не в силах расплатиться и потому продаёт старшего сына Е Нина семье Чжоу. Все вы, соседи, живёте бок о бок, видите каждый день. Скажите, когда это вы видели, чтобы наша семья задолжала семье Чжоу триста гуаней?

По толпе прокатилась волна перешёптываний. Триста гуаней - да в Цинтяне, кроме семьи Цзян, кто вообще способен разом выложить такую сумму? Это были деньги из разряда несбыточных фантазий, о которых деревенские мужики и помыслить не смели.

Сваха усмехнулась холодно:

— Да что-то не припомню, чтобы ты, Нин-гер, когда-либо учился грамоте. С чего это, раз ты сказал «договор о продаже человека», так это обязательно правда?

Чжоу-далан наконец выдавил из себя:

— Да... да! Я, значит, добро делал, а меня за это грязью облили. Даже если ты мной побрезговал, Нин-гер, не стоило... не стоило так топтать моё искреннее намерение!

Е Нин развернул лист:

— Договор здесь. И сваха может подтвердить: именно эту бумагу вчера принёс Чжоу-далан. Тогда давайте позовём кого-нибудь, кто умеет читать, и пусть он рассудит.

И в этот момент из задних рядов раздался чей-то возглас:

— Ой, да это же Чжан-саньлан*!

(ПП: третий из семьи Чжан)

— Чжан-саньлан умеет читать, он у нас самый учёный во всей округе, скорее зовите его, пусть посмотрит!

Толпа сама собой расступилась, образовав проход, и из задних рядов вышел молодой мужчина. Было видно, что он подошёл недавно: за спиной у него висела корзинка с книгами, а о происходящем он, очевидно, ещё не знал.

Это был Чжан Чжиюань - в одежде учёного, чистой, но выстиранной до поблёклости и заношенной, при этом аккуратной до последней складки. Во всём его облике сквозил дух книжного червя, от начала и до конца.

— Двоюродный дядя! — Чжан Чжиюань обратился к отцу Е. — Что здесь случилось?

Оказалось, что Чжан Чжиюань был дальним родственником Е Нина по материнской линии. Он собирался отправиться в столицу сдавать государственные экзамены, но в семье приключилась беда, денег на дорогу не осталось. Проходя через Цинтянь, он остановился у семьи Е: отец Е знал, что у Чжан Чжиюаня есть знания и способности, потому и приютил его на пару дней, рассчитывая, что в будущем, когда тот выбьется в люди, сможет получить ответную благодарность.

Чжан Чжиюань был человеком честным и прямым. Хотя он пробыл в деревне совсем недолго, успел заслужить хорошую репутацию: стоило кому-нибудь попросить написать письмо домой или составить договор, он всегда помогал и не брал ни медяка, за что жители искренне его

уважали.

Е Нин впервые видел этого двоюродного брата, но ничем себя не выдал. Он спокойно передал Чжан Чжиюаню бумагу, которую держал в руках.

Чжан Чжиюань принял бумагу, и любопытные сельчане тут же стали подгонять:

— Ну что, Чжан-саньлан, что это за бумага? Так всё-таки - договор о продаже человека или земли?

Чжан Чжиюань бросил на неё всего один взгляд, и брови его резко сдвинулись, лицо наполнилось гневом. Даже лист бумаги в его руках зашелестел. Он сурово и праведно прикрикнул:

— Молодой господин из семьи Чжоу! Вы ведь в Цинтяне считаетесь домом с именем и весом, а сами подсовываете договор о продаже человека под видом договора продажи земли, нагло унижая людей!

— Что?! Так это и правда договор о продаже человека?

— Да ну! А Чжоу-далан ведь с виду такой честный, такой простодушный... Кто бы подумал!

Сваха вмиг струсила. Она могла не верить Е Нину, в конце концов, тот, по её мнению, никогда не учился грамоте, но не верить Чжан Чжиюаню она не осмелилась. Она поспешно отступила на несколько шагов назад, притихла и больше не вмешивалась.

Чжоу-далан, вытирая пот, попытался выкрутиться:

— Ты... ты же двоюродный брат Нин-гера! Конечно, ты будешь нагло врать, глядя прямо в глаза!

Чжан Чжиюань поднял руку, словно прикрывая Е Нина собой, и вся его фигура наполнилась достоинством учёного мужа, пропитанного праведностью. Он твёрдо сказал:

— Я, Чжан Чжиюань, читаю книги мудрецов и следую пути святых, и никогда не произношу лжи. Если ты не веришь мне лишь потому, что я родственник Нин-гера, — хорошо. Тогда поверишь ли ты семье Цзян на севере деревни? Это - род ученых, люди честные и почтенные.

— Я, недостойный ученик, служу в семье Цзян писцом и являюсь сопровождающим в учёбе для молодого господина. Хоть сегодня я могу пойти и пригласить старого господина семьи Цзян, чтобы он собственноручно разобрал эту грамоту и вынес решение.

<http://bllate.org/book/15118/1340811>